

ГЕОРГ БРАНДЕС О ТОЛСТОМ

ЗАБЫТАЯ СТАТЬЯ В РУССКОЙ ГАЗЕТЕ

Сообщение М. Д. Моричевой

Известный датский критик и общественный деятель Георг Брандес (1842—1927) выступил в 1870-х годах глашатаем нового литературного направления, оказав большое влияние на развитие не только датской литературы, но и литератур других скандинавских стран. Его смелые публицистические выступления были проникнуты пафосом борьбы с политической и религиозной реакцией того времени. Хотя Брандес в вопросах эстетики стоял на позитивистских позициях, его критические статьи и выступления помогли становлению реалистического направления в скандинавской литературе, которая вплоть до последней четверти XIX в. развивалась под знаком романтизма.

Брандесу принадлежит большая заслуга в знакомстве скандинавской общественности с передовой русской культурой.

В 1887 г. Брандес посетил Россию, где прочитал на французском языке цикл лекций о литературе. Он побывал в Петербурге, Москве и Смоленске. Результатом его поездки явилась книга «Россия. Наблюдения и размышления» (1888), содержащая также серию очерков о русских писателях под общим заглавием «Литературные впечатления» — своеобразная краткая история русской литературы от Ломоносова до Толстого.

Хотя очерки и статьи о русских писателях не лишены присущих Брандесу ошибок позитивистского толка, они все же имели огромное значение для знакомства скандинавских стран с русской литературой и ее прогрессивными явлениями и содействовали распространению влияния русской литературы в Западной Европе.

Творчество Толстого не раз привлекало внимание датского критика. В своих «Литературных впечатлениях» он посвятил ему большую главу, называя Толстого «последним великим реалистическим бытописателем и мечтателем России» (Г. Б р а н д е с. Собр. соч., т. 19. СПб., 1913, стр. 262. См. также «Русские ведомости» от 28 августа 1908 г.).

В 1910 г., к восьмидесятидвулетию великого русского писателя, Брандес написал статью «Лев Толстой», которая позже вошла в сборник его критических работ «С птичьего полета», изданный в 1913 г. (G. B r a n d e s. Fugelperspektiv. København og Kristiania, 1913). Эта статья, несколько переделанная и расширенная, легла в основу другой статьи, написанной Брандесом по просьбе редакции газеты «Русское слово». Под заглавием «Толстой как критик» статья была опубликована в этой газете 17(30) ноября 1910 г., в виде некролога, хотя написана она была еще до ухода и смерти Толстого.

Брандес пытался охарактеризовать в статье личность Толстого только в одном плане — как критика произведений выдающихся зарубежных деятелей литературы и культуры прошлого, но далеко вышел за пределы заданной себе темы.

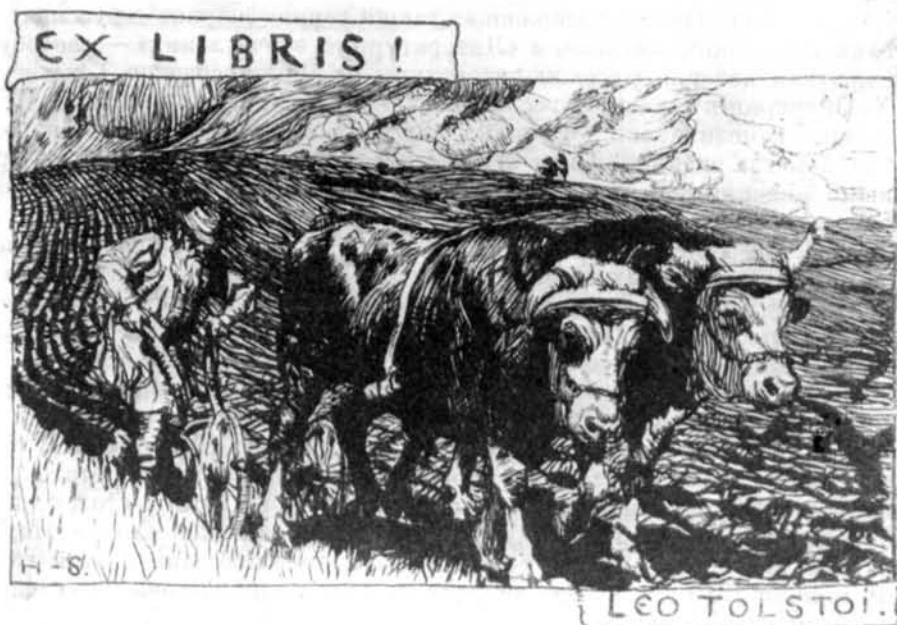
«Когда редакция „Русского слова“ оказала мне честь, обратившись с просьбой дать для нее статью о Толстом,— писал Брандес,— я думал, что напишу эту статью в несколько дней, ведь я в течение ряда лет читал почти все, что писал великий человек, часто размышлял о нем, не раз писал о нем. Однако понадобились целые недели.

Когда я начал вспоминать свои впечатления от прочитанного, они оказались не в достаточной степени яркими, и я, почувствовав необходимость освежить их в своей памяти, перечитал снова сочинения Толстого. Но по мере того, как я читал одно произведение, у меня являлось желание углубиться в другое, новое, и вот мало-помалу я очутился перед целой горой книг. Некоторые привлекали меня, другие отталкивали.

Но в целом теперь мне стало казаться гораздо более трудным, чем когда я только ограничивался смутными воспоминаниями,— выступить в роли судьи этой гигантской фигуры. Ее мощь чувствуется тем более сильно, чем более проникаешь во внутреннюю связь всей ее деятельности. Я чувствовал, насколько я мал в сравнении с ее значением.

Льву Толстому принадлежит первое место среди современных писателей. Никто не внушает такого чувства почитания, как он, может быть, можно сказать: никто, кроме него, не внушает этого чувства почитания. Когда при первом присуждении Нобелевской премии она была дана благородному и тонкому, но второразрядному поэту¹, все лучшие шведские авторы послали за своими подписями Льву Толстому адрес, в котором протестовали против такого присуждения этого отличия². Само собой чувствовалось, что оно должно было принадлежать только одному — величайшему писателю России, за которым они единогласно и признавали право на эту премию.

И этот адрес вовсе не был случайностью.

ЭКСЛИБРИС ДЛЯ БИБЛИОТЕКИ ТОЛСТОГО
Гравюра немецкого художника Пауля Горт-Шульце
«Искры» 1910, № 8

«ТОЛСТОЙ И ЦАРЬ»

Карикатура неизвестного
художника

Шведская газета «Aftonbladet» от
29 июля 1908 г. (карикатура пере-
печатана из швейцарского журнала
«Nebelspalter»)

Politiska karrikatyrer för dagen.

Tolstoj och tsaren.

Да, Толстой внушал чувство почитания обширной деятельностью своей долгой жизни, в течение которой он никогда не отдыхал, своим почтенным возрастом, своим гением, который дал Европе и Америке живую русскую природу и живых русских людей прошлого и настоящего времени, своим сочувствием участи бедных и страждущих, наконец, независимостью своего духа, своим самостоятельным отношением к традициям и результатам, перед которыми преклоняются лишенные самостоятельной мысли, и своим мужеством, с которым он подвергал беспощадной критике всякую власть. Такое сочетание интеллектуальных и моральных данных достаточно редко, оно само по себе импонирует. Толстой внушал скорее почтительное удивление, чем любовь.

Толстой живет теми же чувствами, как и его народ, и, благодаря этому, по мере нашего знакомства с ним, он встает перед нами как живое воплощение духовного облика ста миллионов людей. Хотя и иностранцам прекрасно известно, что, быть может, только незначительное меньшинство образованной России разделяет основные взгляды Толстого; хотя его писания известны только незначительному меньшинству необразованной России, однако в его личности есть нечто, указывающее, что в будущем за ним будет Россия. Он так представлятелен. Вспомните известную картину Репина, где он идет за плугом. В нем нельзя найти ничего, что напоминало бы графа, природного дворянина. Толстый нос и массивные челюсти, это — черты русского крестьянина. Но какой это удивительный крестьянин! Это — крестьянин-мыслитель, герой, гений, цивилизатор. В рассказах Геродота о скифах далекой древности есть миф о младшем

сыне главы рода Колаксаисе — князе плуга. В былинах рассказывается о Микуле Селяниновиче с чудесным плугом. Толстой напоминает скифского принца Геродота; он — тоже князь плуга; он напоминает Микулу, героя землепашцев, ведущего свою благословенную полосу по безграничной русской равнине. Он напоминает также Илью Муромца, который вновь, через тысячу лет, в его лице возделывает русскую землю, он, который сильнее своей судьбы, шел по пути к богатству, не богатея, и совершенно слился с основной русской идеей общественности („мира“).

Можно допустить, что и какое-нибудь маленькое государство могло бы произвести дух, столь же великий, как Толстой,— так и было в Норвегии, давшей Ибсена. Но последний не может казаться духовному взору столь мощным; ведь Норвегия по пространству, народонаселению и по мировому значению так мала в сравнении с Россией. Отношение между этими двумя фигурами, приблизительно, то же, что между дипломатическим представителем маленького государства и представителем великой державы при императорском дворе. Пусть первый будет лично так же одарен,— он невольно останется в тени возле второго...»

Утверждая, что Толстой «разбудил к мысли великий русский народ», Брандес закончил свою статью словами, признающими огромное воздействие Толстого на развитие всей мировой культуры: «Общий итог его жизни есть и будет: Толстой — мировая сила».

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Имеется в виду Сюлли Прюдом.

² См. стр. 121 настоящ. тома.